

ПУТЬ И ИСТИНА

Миссионерский листок
храма Иоанна Богослова с. Богословское-Могильцы
(www.hram-usadba.ru)

выпуск 26

Богомыслие и молитва (часть 5)

(Из книги "Молитва и жизнь")

Митрополит Сурожский Антоний

Мы видим, что не можем глубоко приобщиться к жизни Бога, если не изменимся коренным образом. Необходимо поэтому идти к Богу для того, чтобы Он преобразил и изменил нас, и вот почему мы должны прежде всего просить об обращении. Обращение (лат. *conversio*) означает поворот, изменение ума. Греческое слово *metanoia* означает изменение ума. Обращение в смысле *conversio* означает, что вместо того, чтобы растрачивать жизнь, глядя во все стороны, мы станем держаться одного-единственного направления. Это значит отвернуться от множества вещей, которые имели цену для нас только потому, что были нам приятны или полезны. Обращение проявляется прежде всего в изменении нашей шкалы ценностей: когда в центре всего Бог, все остальное становится на новые места, получает новую глубину. Все, что Божие, все, что принадлежит Ему - положительно и реально. Все, что вне Его, не имеет ни ценности, ни значения. Но простое изменение взгляда на вещи еще нельзя называть обращением. Мы можем изменить свои взгляды и не пойти дальше; за этим обязательно должен последовать акт воли, и если наша воля не придет в движение и не изменит своей направленности, обратившись к Богу, то обращения нет; без этого в нас есть лишь зарождающаяся, но дремлющая и бездейственная перемена. Совершенно очевидно, что недостаточно смотреть в правильном направлении и не двигаться с места. Угрызения совести нельзя принимать за раскаяние; раскаяние состоит не в том, чтобы испытывать "ужаснейшее сожаление" по поводу неправильных поступков в прошлом: это активное, положительное состояние, заключающееся в том, чтобы идти в правильном направлении. Это очень ясно показано в притче о двух сыновьях (Мф. 21: 28), которых отец послал работать в своем винограднике. Один сказал "иду" - и не пошел. Другой ответил "не пойду", но потом устыдился и пошел работать. Это было подлинное раскаяние, и мы никогда не должны

оболащаться, воображая, что сожаление о своем прошлом есть акт покаяния. Конечно, это часть его, но покаяние остается нежизненным и бесплодным, пока оно не приведет нас к исполнению воли Отчей. Мы склонны думать, что оно должно сводиться к прекрасным чувствам, и очень часто удовлетворяемся эмоциями вместо подлинного, глубокого внутреннего изменения.

Как часто, обидев кого-нибудь и поняв, что мы были не правы, мы идем к обиженному и говорим о своем раскаянии и после взволнованных объяснений, слез, прощении и трогательных слов уходим с чувством, что сделали все возможное. Мы плакали вместе, мы помирились, и теперь все в порядке. Но это отнюдь не так. Мы просто насладились своими добродетелями, а другой человек, быть может, добросердечный и способный легко растрогаться, откликнулся на нашу эмоциональную сцену. Это - что угодно, только не обращение. Никто не просит нас проливать слезы и искать трогательной встречи с жертвой нашей жестокости, даже если эта жертва - Бог. Ожидается от нас совсем другое: чтобы, поняв свою неправоту, мы ее исправили.

Но на этом обращение не кончается; оно должно вести нас дальше, по пути, который сделает нас иными. Обращение начинается, но никогда не заканчивается. Это нарастающий процесс, в ходе которого мы все более и более становимся тем, чем должны быть, до тех пор, когда после дня судного категории падения, обращения и праведности не исчезнут и не заменятся новыми категориями новой жизни. Христос говорит: *Се, творю все новое* (Откр. 21: 5).

Молиться можно везде и всюду, но есть места, где молитва находит естественную для нее атмосферу; места эти - храмы, во исполнение обетования: *Я обрадую их в Моем доме молитвы* (Ис. 56: 7).

После того, как храм освящен, он становится жилищем Божиим. Здесь Бог присутствует иначе, чем во всем остальном мире. В мире Он присутствует как пришлец, как странник, проходящий от двери к двери, не имея, где приклонить главу; Он идет как Владыка мира, отвергнутый миром, изгнанный из Своего царства и вернувшийся в него, чтобы спасти Свой народ. В храме же Он - у Себя дома; Он не только Творец и Господин по праву, - здесь Его и признают Творцом и Господом. Вне храма Он действует, когда может и как может; внутри храма Он во всей Своей власти и силе, и уже от нас зависит приходить к Нему.

Когда мы строим храм или высвобождаем особое место для молитвы, мы совершаем нечто выходящее далеко за рамки видимого значения этого факта. Вся земля, Богом созданная, стала ареной человеческого греха: тут действует диавол, тут ведется непрестанная борьба; нет места на этой земле, которое не было бы запятнано кровью, страданием или грехом. Избирая на ней малое пространство, призывая в священнодействиях, сообщающих благодать, силу Самого Бога для благословения этого места, очистив его от присутствия злого духа и выделив для того, чтобы оно было подножием Божиим на земле, мы вновь отвоевываем для Бога частицу этой обесчещенной земли. Можно сказать, что храм - это место, где Царство Божие открывается и проявляется в силе. Когда мы входим в храм, мы

должны сознавать, что вступаем на священную землю, место, принадлежащее Богу, и держать себя в соответствии с этим сознанием.

Иконы, которые мы видим на стенах храма,- не просто изображения или картины; икона - это средоточие реального присутствия. Святой Иоанн Златоустый советует нам перед тем, как начать молиться, встать перед иконой и закрыть глаза. Он говорит: "закрой очи твои", потому что не в рассматривании иконы, не в употреблении ее в виде наглядного пособия подается нам от нее помощь для молитвы. Это не субстанциональное/сущностное присутствие в таком смысле, как хлеб и вино становятся Телом и Кровью Христовыми. В таком смысле икона не есть Христос; но между Ним и иконой существует таинственная связь. Силой благодати икона участвует в чем-то, что лучше всего можно определить словами Григория Паламы как энергии Христа, как деятельная сила Христова, действующая для нашего спасения.

Написание иконы - это акт богопочитания. Специально выбирается и освящается доска, освящаются краски, человек, собирающийся писать икону, готовится к этому постом, исповедью, причащением. Во время работы он ведет особо воздержный образ жизни, по окончании ее икону освящают святой водой и помазывают миром (эта последняя часть освящения сейчас, к сожалению, часто опускается). Так, силою Святого Духа икона становится чем-то большим, нежели картина. Она насыщена присутствием, напоена благодатью Духа и в тайне общения святых и космического всеединства связана с тем святым, которого изображает. Причастность святого к иконе нельзя отождествлять или хотя бы сравнивать с присутствием Христа в Святых Дарах; и все же икона является средоточием реального присутствия, как опытно знает и учит Церковь. Икона - не подобие, а символ. Силой и премудростью Божией некоторые иконы выделены как чудотворные. Стоя перед ними, чувствуешь, как они сами обращаются к тебе.

Один священник служил в храме, где находится известная чудотворная икона Божией Матери, и глубоко ощущал ее действенное участие в богослужении. За многие века икона очень потемнела; с места, где он стоял, он не мог различить ее черты и продолжал служить с закрытыми глазами. Внезапно он почувствовал, что Матерь Божия на иконе как бы понуждает его молиться, направляет его молитвы, воздействует на его ум. Он почувствовал исходящую от иконы силу, которая наполняла храм молитвой и собирала рассеянные мысли. Это было почти физическое присутствие, это стояла живая личность, со властью требовавшая.

